

oblique lines are not known later than the mid-seventh century, and that triangular “skittles” badges appeared in the costume of the South-Western Crimean population in the mid-sixth century, the date when the artefacts of the Teshkli-burun hoard were used could be restricted to the second half of the sixth or the first half of the seventh century.

The owner of the Teshkli-Burun hoard belonged to wealthy population of the early mediaeval town of Doros, located on the plateau of Mangup. The hoard comprised gold ornaments weighing about 35 g. The gold cross is the only known so far piece of Byzantine jewellery of the kind discovered in the South-Western Crimea. Gold triangular “skittles” badges only belonged to parade costume of married Gotho-Alanic women. They were found exclusively in the richest burials of women which contained a big buckle and were always accompanied with big silver radiate-headed brooches and often with gold earrings with polyhedral beads. This is the reason to suppose that the set with a cross and triangular pendants from the hoard of Teshkli-Burun was owned by a rich married woman who wore it in parade costume, appropriate for her high status.

Parade attire of a rich woman residing in mediaeval Doros combined different cultural traditions. It comprised typical local Gotho-Alanic gold sewn ornaments and imported Byzantine jewellery and accessories. The combination of traditional elements with Byzantine fashion is a typical feature of female costume of the Gotho-Alanic population of the South-Western Crimea from the sixth to seventh centuries AD.

Keywords: Byzantium, early mediaeval Crimea, Doros, Gotho-Alans, costume, Byzantine crosses, Byzantine ornaments, triangular “skittles” pendants.

Н. И. БАРМИНА

МОЗАИКИ И ФРЕСКИ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Введение. Изменение исторических условий и развитие архитектуры предопределили специфику генезиса и становления христианской художественной культуры. Ее первые сооружения получили распространение первоначально на территории центральных провинций Римской империи и затем повсюду, где велась проповедь христианства. Базилика как первый христианский храм представляет собой микро-модель небесного Иерусалима: она одухотворялась соборной любовью, являясь местом приобщения к вере и встречи с Богом, единым, живым и непостижимым. Поэтому при проектировании и строительстве церкви первоочередное внимание уделялось организации ее внутреннего пространства.

В ранневизантийской архитектуре тип базиликального храма быстро занял ведущее место в Греции [43, с. 74-78; 57, с. 76], Далмации [21, с. 7-32; 30, с. 588], Италии [37, с. 9-29; 38, с. 120-121; 41, с. 54-57], Малой Азии [31, с. 62-67], Закавказье [4, с. 133-139; 5; 40], в Причерноморье и на Северном Кавказе. Ему было суждено стать своеобразной «мастерской», где апробировались основные приемы и утверждались правила церковной архитектуры и искусства. Благодаря своим выразительным средствам базилика приводила паству в такое психологическое состояние, которое способствовало восприятию Слова Божьего. Таким образом, формировалось искусство «прямого и безоговорочного воздействия на души зрителей» [57, с. 82].

К середине VI в. христианское искусство эволюционировало в сторону орнаментально-декоративной упрощенности, со своими понятиями и символами. По мнению Д. С. Лихачева, возникновение новых черт было связано с утверждением всеобъемлющей системы условности, которая уже начала пронизывать жизнь средневекового общества, его идеологию и художественное мировоззрение [52, с. 85].

Средневековому канону был присущ отказ от реалистической трактовки мира: носителем информации для прихожан выступали символы, изображавшие библейские сюжеты и духовные ценности христианства. Следует согласиться с точкой зрения О. Демуса, который, указывая на единство формы храма-базилики и ее живописи, подчеркивал, что «физическое пространство, охваченное нишей, и это пространство включено в роспись» [29, с. 13]. Для насыщения базилики «бог вдохновенной информацией» и создания в ней соответствующей художественной ауры служили мозаики и фрески. Посредством образов новообращенные могли обрести опыт сопереживания; через видовой ряд их учили «читать» и понимать библейские сюжеты.

Безусловно, прав Р. Оустерхаут, полагающий, что храм был готов только тогда, когда заканчивалось его внутреннее художественное оформление [56, с. 248]. Для этого требовались «зографы», как мастера мозаичного дела, и «фрескисты», как специалисты в исполнении стеновых росписей. Эти художники должны были уметь мыслить пространственно, четко представлять себе форму изображаемого предмета и профессионально использовать средства мозаичной и фресковой живописи для передачи объема и сюжета [71, р. 386-388]. Д. Т. Райс, отмечая сложность и интеллектуальность

христианского искусства, подчеркивает, что большая часть мозаик и фресок погибла, а сохранившиеся произведения донесли до нас лишь часть того великолепия, которое некогда отличало церковное искусство [59, с. 7-8]. Очевидно, что интерес к византийской культуре обусловлен ее чрезвычайно высокой художественной ценностью.

Проблема локальных особенностей становления и развития христианского искусства на территории средневековой Таврики до настоящего времени остается предметом научной дискуссии. Изучение мозаик и фресок, выявленных в ходе многолетних раскопок Мангупской базилики в Юго-Западном Крыму, является чрезвычайно актуальным для рассмотрения этих вопросов.

Методология исследования. По нашему мнению, при анализе остатков художественного оформления Мангупской базилики целесообразно использовать ряд общих подходов:

1. В рамках *исторического подхода* рассматривается специфика историко-политических, социально-экономических и этноконфессиональных перемен в жизни региона. Он фокусирует внимание на выявлении качественных изменений в христианской художественно-декоративной пластике на территории средневекового Крыма.

2. *Археологический подход* позволяет провести анализ строительных и вещественных находок, дает возможность систематизировать полученный материал в его хронологической последовательности.

3. *Искусствоведческий подход* требует интерпретации формы и содержания художественных артефактов. По мнению С. Ванеяна, изучение памятников искусства, сохранившихся в церковных сооружениях, для археологии — «ключ верификации, прилагаемый и к другим археологическим источникам» [17, с. 26].

4. *Культурологический подход* раскрывает сущность разновекторных культурных влияний в средневековой Таврике, которые приводили к возникновению самобытных субкультур региона.

5. *Религиоведческий подход* способствует углубленному пониманию процессов христианизации региона и институализации местной церковной организации. Сохранение языческих традиций, в том числе в горных районах Юго-Западной Таврики, так или иначе влияло на жизнь прихожан христианских храмов.

6. С позиции *теменологического подхода* осуществляется интерпретация храма в его многосоставной сложности: теологической, архитектурной, эпиграфической, этической, литургической, нумерологической, геометрической, иконографической, эстетической и др. [6, с. 193-194; 24, с. 62].

7. *Топографический подход* представляет собой реконструкцию методами научного описания пространственной среды, заключающей в себе топоры, отмеченные признаками святости. Таким местом для Мангупского городища, несомненно, выступала базилика.

8. *Сравнительный подход* дает возможность сопоставить декоративно-сюжетные композиции, выполненные фресковой росписью и мозаичным способом, в храмах столицы и на периферии Византийской империи.

Краткий историографический обзор. Первые исследования мозаик и фресок на памятниках средневековой Таврики были осуществлены еще в конце XIX — начале XX вв. Н. П. Кондаковым [42], Д. В. Айналовым [2; 3] и М. И. Ростовцевым [61]. Позднее к изучению декоративного оформления базилик византийского Херсона обращался А. Л. Якобсон, полагая, что херсонские мозаичные полы входят в круг известных византийских провинциальных памятников Греции, Македонии, Фракии и Малой Азии, которые возможно объединить в одну стилистическую группу, относящуюся к периоду правления императора Юстиниана I (527-565) [69, с. 222-241].

О. И. Домбровский выполнил реконструкцию фресковой живописи южного нефа Херсонской базилики 1935 г., используя большое количество найденных во время раскопок фрагментов ее штукатурки (более 422 фрагментов). В результате, ему удалось определить с достаточной полнотой все основные орнаментально-декоративные элементы стенной росписи в виде вписанных друг в друга прямоугольников и ромбов, раскрашенных оранжево-желтой, коричневой, зеленой, серо-голубой, красной и черной красками под цветной мрамор. Исследователем также было высказано мнение о одновременности подавляющей части мозаик херсонских базилик.

Последующие десятилетия реставрации и факсимильного копирования объектов исследования послужили для О. И. Домбровского основой при написании двух его монографий — «Фрески средневекового Крыма» [32] и «Византийские мозаики Херсонеса Таврического» [34], а также ряда статей [31, с. 207-228; 33, с. 284-319; 35, с. 11-31]. Следует согласиться с замечанием В. А. Кутайсова о том, что работы О. И. Домбровского — «книги об утраченных памятниках Таврики и они составляют золотой фонд науки» [44, с. 9-18]. Выскажу здесь и свою личную благодарность О. И. Домбровскому в связи с его участием и помощью при консервации остатков фресок из раскопок Мангупской базилики.

Недавно С. Б. Сорочан систематизировал данные о херсонских мозаичных материалах. Он отметил, что «вопросы изменения декора, убранства интерьера храмов в эпоху «темных веков» исследователи вообще обошли молчанием, исключив их из системного историко-археологического, культурологического и искусствоведческого анализа, который еще предстоит проделать» [64, с. 605-606]. Вместе с тем в недавних публикациях А. Б. Бернацки [13, с. 69-82], Н. Н. Болгова [14, с. 38-48; 15, с. 60-65], Н. Е. Гайдукова [22, с. 80-87], А. В. Латышевой [45, с. 164-178], А. Н. Литовченко [49, с. 126-129; 50, с. 164-173], Ю. Г. Лосицкого [53, с. 27-36], М. В. Фомина [66, с. 299-389], Л. Г. Хрушковой [67, с. 407, 410, рис. 11] и Е. Ястржебовской [70, р. 183-191] были вновь подняты вопросы датировки христианских сооружений Херсона, что позволило лучше понять технологические особенности убранства базилик. Примерами комплексного изучения христианских храмов являются работы И. А. Завадской [36, с. 258-288] и М. И. Золотарева [39, с. 229-247]. В ходе исследования херсонской «Базилики в базилике» под руководством С. Г. Рыжова восстановлены мозаичные полы и получены нумизматические данные, позволившие уточнить датировку раннего храма и позднейшего базиликального сооружения, построенного внутри центрального нефа первоначальной постройки [62, с. 290-300]. После завершения археологических работ проведена консервация этих мозаичных полов.

В последние годы в историографии появились публикации, в которых представлен искусствоведческий анализ сюжетов отдельных фресок XII-XIV вв., выявленных на памятниках горной части Юго-Западного Крыма [20; 23; 51; 54; 55]. Исторический контекст этих находок изучался Н. И. Репниковым, Е. В. Веймарном [60, с. 133-149; 18, с. 3-121], А. Л. Якобсоном [68, с. 11-15], А. Г. Герценым и Ю. М. Могаричевым [25, с. 7-17; 26].

Представленный историографический обзор показывает, что имеющиеся образцы церковного искусства на памятниках византийского Крыма, в первую очередь, Херсона, дают основания для проведения сравнительного анализа с декоративными источниками, обнаруженными в ходе раскопок Мангупской базилики.

История открытия фрагментов художественно-декоративного оформления Мангупской базилики. Впервые фрески христианских памятников Мангупа отме-

чены польским дипломатом Мартином Броневским, посетившим Крым в 1580-е гг. Он упоминает храмовый комплекс, освященный именем Свв. Елены и Константина [16, с. 167]. Именно это замечание позволило Р. Х. Леперу, проводившему раскопки городища в 1912-1914 гг., отождествить увиденный Мартином Броневским храм с Большой Мангупской базиликой. В ходе наших исследований памятника в течение 1967-2005 гг. окончательно установлено, что в XVI в. он уже находился в руинах и представлял собой «каменный карьер», из которого материал разбирался для строительства соседних караимских усадеб. Три такие усадьбы находятся в непосредственной близости от базилики, к востоку, юго-западу и северу от храмового комплекса. Вероятнее всего, Мартин Броневский видел во время своего пребывания на Мангупе не базилику, а какое-то другое культовое здание с фресками, например, церковь Св. Константина, расположенную в центральной части Мангупского плато.

Тем не менее, Мангупская базилика была, безусловно, расписана фресками, что подтвердилось уже исследованиями Р. Х. Лепера. Позднее фрагменты фрески на ее территории отмечены А. С. Башкировым [10, с. 264]. А. Л. Бертье-Делагард, посетивший Мангуп в 1918 г., сообщал о большом количестве остатков фресковой росписи, брошенных после раскопок Р. Х. Лепера. Он пытался что-нибудь собрать из отдельных фрагментов, однако ничего «из этого не получилось» [12, с. 37]. В 1927 г. И. Э. Грабарем выявлены фрагменты фресковой росписи в нижней части пространства между апсидой и северным стилобатом. Согласно его описанию, роспись представляла собой пограничную зону основной художественной композиции [28, с. 286].

В 1938 г. М. А. Тихановой при раскопках северной крещальни базилики были открыты в ее алтарной нише, под уровнем погребений, остатки трехцветного (красного, черного и белого) мозаичного пола. В своем отчете она зафиксировала следующее: «Кубики чере — приблизительно одного размера, положены на растворе с битым кирпичом и черепицей. Мозаика сохранилась лишь на очень небольшом участке; на основании сохранившегося куска восстановить рисунок и размеры мозаичного пола в целом не представляется возможным; лишь в одном ее месте ясно прослеживается завиток. Мозаика была перекрыта плотным известковым раствором, настолько крепким, что на нем полностью отпечатался рисунок мозаики. Удалось снять раствор с большим трудом». По мнению исследовательницы, мозаика могла иметь отношение к раннему сооружению, которое находилось на этом месте до появления крещальни [65, с. 381-382, рис. 4, 51, 52]. В юго-западном углу апсиды крещальни были также обнаружены остатки штукатурки с тремя слоями фрески светло-зеленого тона [65, с. 380].

В ходе наших раскопок базилики, при изучении ее нартекса, за западным пилестром по направлению к югу, были открыты следы известковой вымостки толщиной 0,2-0,3 см, ниже которой сохранились остатки мозаичного пола на цементной основе чрезвычайно плохой сохранности, не позволяющей полностью восстановить его рисунок. Мозаика была трехцветной, с использованием черного, красного и белого цветов. Судя по ее направлению, это могло быть изображение волнообразной линии, очень тщательно выполненной из мелких по размеру кубиков. К сожалению, попытка О. И. Домбровского зафиксировать и снять этот фрагмент мозаики закончилась неудачей. Сохранность мозаики была нарушена построенной здесь позднее гробницей, в свое время отмеченной Р. Х. Лепером и не раскопанной им [46, с. 77]. К началу нашего исследования памятника в 1967 г. от гробницы сохранилось лишь двухскатное резное надгробие. В ходе работ в 1990-е гг. на участке некрополя базилики снаружи ее западной стены было открыто большое скопление разрозненных мозаичных кубиков (всего 1287 штук), в основном, белого цвета, видимо, выброшенных за стену храма при строительстве этой гробницы.

Часть субструкции под укладку мозаики, в виде известкового довольно рыхлого раствора (длиной 0,98 м и мощностью в пределах 0,27-0,42 м), уложенного тремя слоями, была открыта в северо-западном углу центрального нефа базилики. В состав раствора входили мелко дробленый камень, большое количество песка и незначительные включения толченой черепицы, что придавало ему бежево-розоватый оттенок.

При разборе забутовки между двумя разновременными алтарными нишами базилики раскрыто раннее внутреннее полукружие трехгранной апсиды. Изнутри оно оштукатурено хорошо вымешанным, плотным по структуре и желтоватым по цвету раствором, на котором сохранились незначительные следы фрески. Она была выполнена красным цветом в виде четырех вертикально расположенных полосок. Их плохая сохранность не позволяет реконструировать некогда нанесенный рисунок. Первая полоска (высотой 0,04 см и шириной 0,01 см) располагалась на расстоянии 1,34 м от северо-восточного плеча базилики вдоль алтарной ниши, вторая (высотой 0,06 см, шириной 0,05 см) — на расстоянии 0,38 см от первой, третья (высотой 0,65 см, шириной 0,08 см) — на расстоянии 0,18 см, четвертая (высотой 1,5 см, шириной 0,02 см) — на расстоянии 0,30 см от третьей. Расстояние от четвертой полоски фрески до юго-восточного края алтарной ниши составляет 0,57 см. В структуре забутовки, состоящей из крупных и мелких камней и серой земли, также встречены небольшие фрагменты фрески.

Крупный фрагмент фрески *in situ* был открыт в юго-восточном углу алтарной стены центрального нефа (рис. 1). Он, вероятно, был идентичен той настенной росписи, которую видел И. Э. Грабарь в 1927 г. Сохранившийся рисунок представлял собой окаймление основной части композиции храма и был многоцветным, выполненным красной, светло-желтой, зеленовато-синей и черной красками. После консервации остатки фрески были переданы на хранение в фонды Бахчисарайского музея-заповедника (рис. 2).

Наконец, крупные куски штукатурки с фресковой росписью были обнаружены нами при выборке камня из слоя разрушения так называемого храма «В», к которому, как мы полагаем, была позднее пристроена Большая базилика [9, с. 308-

Рис. 1. Остатки фресковой росписи в алтарной части базилики (вид с западной стороны)

Рис. 2. Консервация фрески Мангупской базилики (на фото О. И. Домбровский и Н. И. Бармина)

310]. Цвет росписи преимущественно красный и светло-жёлтый; она была выполнена в виде сочетания прямых линий и растительного орнамента, на тонком штукатурном растворе.

Два крупных фрагмента мозаичного пола из раскопок Мангупской базилики сохранились в ее алтарной части, между северным краем солеи и стилобатом (длина 0,75 м, ширина 0,65 м) (рис. 3). Об этом писал еще Р. Х. Лепер по итогам своих раскопок памятника в 1913 г.: «Пол просто — черепичный, но в одном месте, между алтарной преградой и северным рядом колонн, найдены следы хорошей мозаики» [48, с. 297]. Благодаря нашим исследованиям выяснилось, что первый фрагмент мозаики примыкал к стенке алтарной ниши и северному стилобату; его правый край оказался разрушенным (рис. 4). Второй фрагмент находился западнее, на расстоянии 0,86 м от первого, и имел еще худшую сохранность (рис. 5).

Оба фрагмента мозаичного пола базилики были сняты, законсервированы (под руководством Р. А. Линюк) и вошли в экспозицию археологического музея исторического факультета на тот момент Симферопольского государственного университета. Впоследствии этот музей сгорел; вместе с ним погибли и отреставрированные фрагменты мозаики (рис. 6-7).

Историко-архитектурный анализ мозаик и фресок Мангупской базилики. Несомненно, отмеченные в статье элементы художественно-декоративного убранства базилики соотносятся с разными периодами ее истории [см. подробнее: 9].

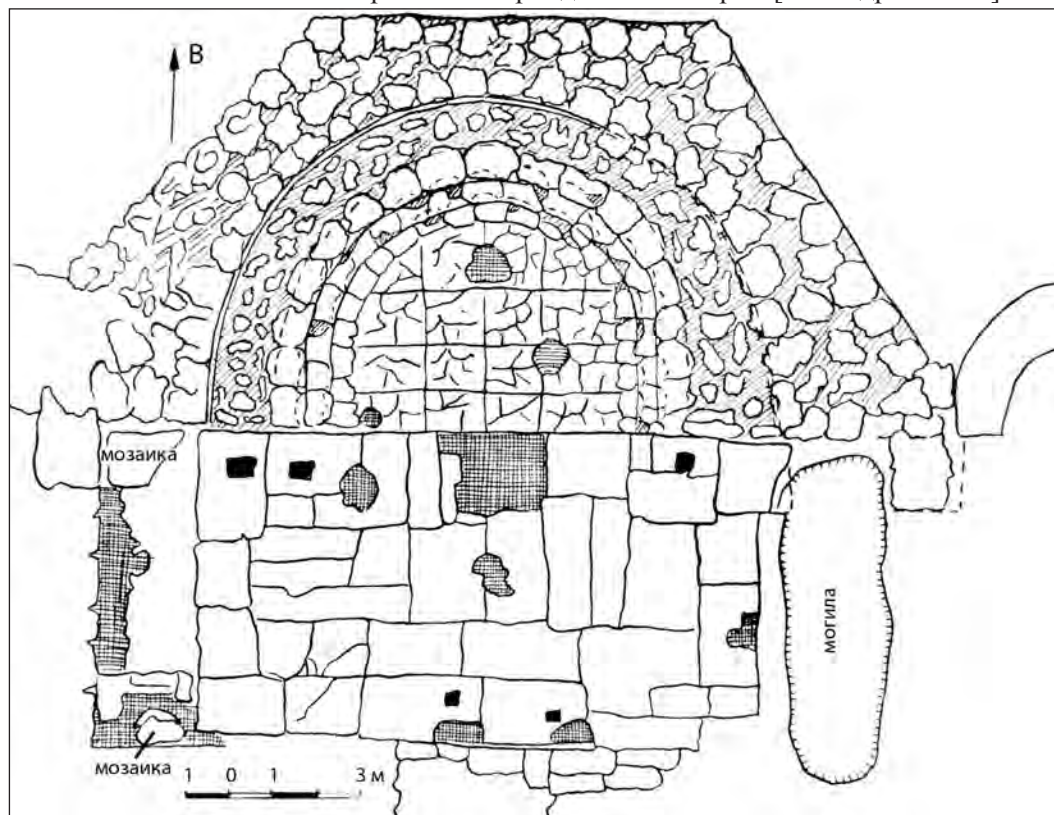

Рис. 3. План алтарной ниши и солеи Мангупской базилики с указанием расположения мозаики

Первый период (VI-VIII вв.) истории базилики связан с созданием однонефного храма «А». Его присутствие подтверждается открытием с внешней стороны базиликального комплекса раннего полукруглого фундамента апсиды (в северо-восточной части) и фрагментарно сохранившимися стенами под северным стилобатом и плитовым входом, ведущим из нартекса в центральный неф (выше упомянутой субструкции, находившейся в углу между ними). С северной стороны храма «А» размещалась крещальня «Б». Ее первый строительный период, по мнению М. А. Тихановой, относился к VI в. [65, с. 376-387].

В Херсоне и на Мангупе применялась технология выкладывания *opus tessellatum* [42]. Вначале происходило выравнивание напольной поверхности, затем создавалась закрепляющая масса — субструкция. Выявлены следующие варианты обращения с ней — уплотнение; утрамбовка (например, в «Базилике в базилике» Херсонесского городища); подсыпка из песка (храм «А» Мангупской базилики); щебенка из каменной и мраморной крошки, на которую наносился набор из мозаичных кубиков («Базилика 1935 г.»). В структуру заливки входили мелко растертые черепичные остатки, придававшие ей розоватый цвет. Мастера использовали технический способ выполнения контуров мозаичного объекта. Он выкладывался в один ряд из контрастных кубиков (черного или красного цвета); с обеих сторон изображения присутствовали завитки (крещальня «Б» на Мангупе), придававшие узору определенную четкость.

В Мангупской базилике и в храмах Херсонеса так и не было выявлено использование полудрагоценных камней в мозаиках (оникс, яшма, туф, аметист, лазурит, различные породы сланца). Зографы базилик Херсона пускали в ход мозаичные кубики четырех основных цветов: белый, светлый (из мрамора), темно-красный,

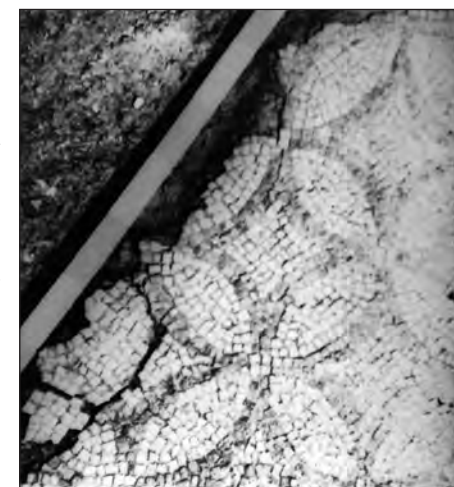

Рис. 4. Первый фрагмент мозаики с северной стороны солеи

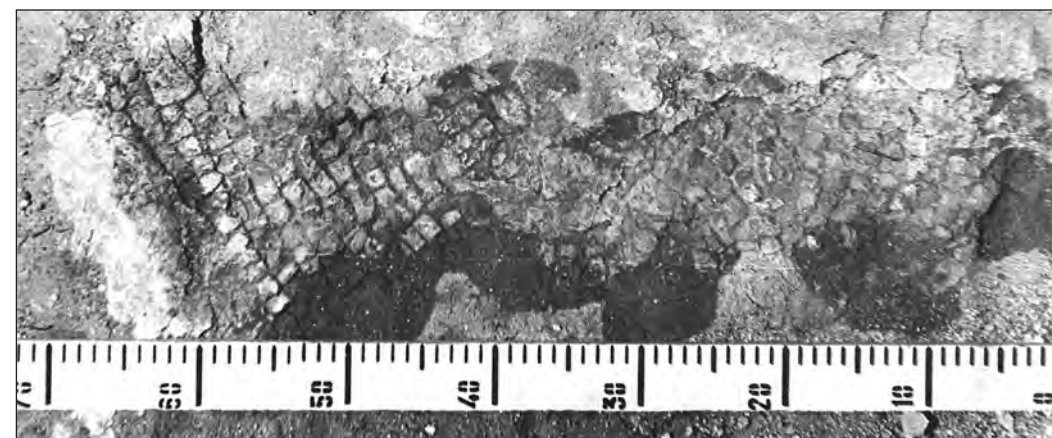

Рис. 5. Второй фрагмент мозаики

Рис. 6. Реставрация первого фрагмента мозаики Мангупской базилики

красный и розовый (из кирпича или местного известняка соответствующего оттенка), желтый (из местного известняка), черный или темный (из балаклавского песчаника) [64, с. 612]. Применялись также синевато-серый натуральный камень и мелкие фрагменты керамического брака, дающего неяркие, но разнообразные

«холодные» (зеленоватые, темно-оливковые и серо-синие) оттенки [50, с. 127].

Мозаика из керамики имеет ряд преимуществ. Это экологически чистый и безопасный материал с высокой степенью огнестойкости, водостойкости, износостойкости. Он не выгорает на солнце и хорошо сочетается с другими природными компонентами, в частности, с мрамором. Использование мрамора в мозаичных полотнах придает интерьеру храмов стабильность, постоянство и основательность.

Отбор цветов в христианской художественной культуре имеет свой смысл. Белый цвет символизирует Бога Отца и святых девственниц, красный — Божественный Огонь, кровь Христа и мучеников, желтый — Божественный Свет, славу, плодородие, доброту, черный — сокровенные тайны Божьи [8, с. 214-227]. Иногда для достижения более яркого эффекта смальты дополнялись тессерами: например, в укладке купола баптистерия Уваровской базилики, в мозаике баптистерия «Базилика в базилике» (№ 15) и в мозаике пола Загородного крестообразного храма [64, с. 609-610].

Ранние мозаики Мангупского базиликального комплекса создавались в херсонской технологии укладки мозаичного набора. В храмах «А» и «Б» отмечен только трехцветный набор мозаичных кубиков — белый, красный, черный. Скудость цветовой палитры, на мой взгляд, была обусловлена объективными обстоятельствами.

В Херсон в IV-VII вв. морем поступали транспорты с мраморными полуфабрикатами архитектурных деталей — стволами колонн, их баз, капителями, алтарными преградами, балюстрадами. Известно, что прибывшие мастера руководили местными ремесленниками, завершавшими обработку элементов интерьеров [13, с. 69-82; 69, с. 605].

Мангупское городище расположено на вершине изолированного горного плато высотой около 600 м над уровнем моря, которое находится примерно в 20 км к северо-востоку от Херсона. Его религиозная община входила в состав Херсоно-Дорантской епархии уже в VI — первой половине VIII вв. и именно из Херсона получала свою долю необходимого архитектурного и художественно-декоративного материала. Если учесть состояние дорог, связывающих Херсон и Мангуп, гужевой транспорт, трудности доставки этой продукции на вершину плато, становится понятным, почему архитектурные мраморные детали во время раскопок Мангупской базилики обнаруживаются в ограниченном количестве. В отличие от храмов Херсона, богато декорированных мрамором, Мангупская базилика в основном украшена известняковыми архитектурными деталями, выполненными из местного камня. За весь период раскопок нашей базилики (1890-2005 гг., с перерывами) было найдено всего три мраморных капители.

Второй период (VIII-IX вв.) в истории Мангупской базилики характеризуется восстановлением крещальни «Б-1» и строительством северо-восточного храма «В» [9, с. 308-310]. Известно, что в христианском мире с VIII-IX вв. средства художественной выразительности начали тяготеть к устойчивости и самодовлеющему

порядку. «Закрепление» создаваемого художественного приема исподволь способствовало оформлению специфики конфессионального искусства в целом.

На территории Херсона в его храмовых сооружениях найдены обломки фресок с геометрическим орнаментом, с так называемыми аниконическими мотивами иконоборческого периода, известными, к примеру, по изучению церкви острова Наксос (Греция) [51, с. 31-37]. На Мангупе, в крещальне «Б-1» и храме «В» базилики, церковная живопись была уничтожена практически полностью. Можно лишь предположить, что мельчайшие остатки фрески, обнаруженные во время исследований храма «В», исходя из их темно-желтой цветовой гаммы и прямолинейного декора, выполненного красной краской, имели отношение к периоду IX-X вв.

Третий период (конец IX — XIII вв.) истории Мангупской базилики начинается в конце IX — начале X вв., когда Мангуп становится центром образовавшейся Готской архиепископии [63, с. 330]. А. Г. Герцен и В. Е. Науменко считают, что городище в XI-XIII вв. находилось в состоянии упадка [27, с. 38-39]. Однако значение Готской епархии, судя по епархиальным спискам X-XII вв., постоянно возрастало. Если в нотиции, составленной в конце правления Льва VI Мудрого в 901-907 гг., она еще отмечена под № 44 в общем перечне епископий Константинопольского патриархата, то в так называемой нотиции Нила Доксопатра (около 1142-1143 гг.) — уже под № 28 [1, с. 214-217].

На наш взгляд, именно в этот период церковная организация Крымской Готии, повысив свой статус и использовав возросшие экономические ресурсы (за счет появления новых церковных приходов), возвела свой кафедральный храм. В результате, в центральной части Мангупского плато появилась трехнефная базилика, с двумя боковыми приделами (галереями), с трехгранной центральной апсидой и широким западным нартексом. Северо-восточное здание «В» теперь стало выполнять функции капеллы (мемория / часовни / крещальни).

Уже описанные мозаичные полы Мангупской базилики находились в ее нартексе и украшали алтарное пространство храма (рис. 6-7). Структура субструкции под них мощностью 0,03-0,04 м включала цементную заливку из мелкодробленого камня и тщательно толченой красноглиняной керамики, что придавало субструкции розовый цвет. Рисунок, в виде перекрещивающихся кругов, хорошо известен по мозаикам базилик Херсонеса, декорированных «ковровыми» орнаментами («Уваровская» базилика, «базилика 1932 г.», «базилика в базилике» (№ 15), базилика «на холме») (рис. 8-9).

Цветовая гамма мозаики Мангупской базилики четырехцветная; круги обведены красными кубиками и подчеркнуты черными. Внутренние сегменты заполнены белыми кубиками, образовавшиеся ромбы — желтыми. Размеры кубиков 1,5-2,0 см. Круги окаймлены трехрядной полосой чередующихся цветов — черным, красным и белым.

В технологии и в художественных приемах, примененных в напольной мозаике Мангупской базилики, произошли заметные перемены: крупнее стал размер камешков, менее тесной их подгонка друг к другу в наборе. По мнению О. И. Домбров-

Рис. 7. Реставрация второго фрагмента мозаики Мангупской базилики

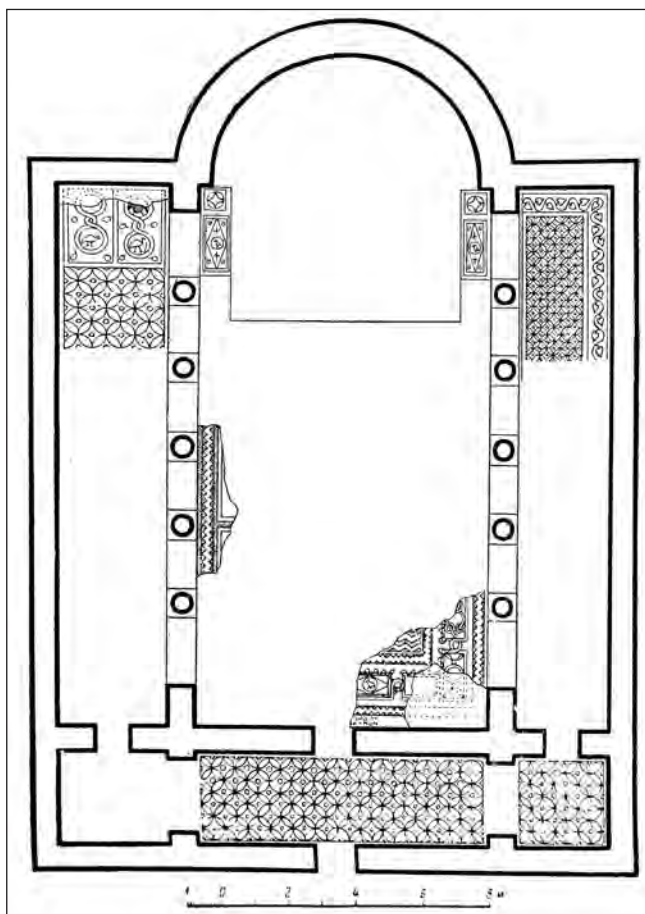

Рис. 8. Мозаика «Базилика в базилике» № 15 (Херсон)

ступенчатый синтрон. Плитами выкладывается алтарная ниша, солея и амвон, выдвинутый к середине центрального нефа.

В процессе исследования базилики в 1971 г. в юго-восточном углу ее центрального нефа были открыты остатки фресковой росписи. Она представляет собой окаймление, выполненное в цветовой, геометрически расположенной, гамме. В черном контуре нанесен орнамент в виде волнообразной линии и неопределяемым рисунком растительного характера. Длина открытого участка 1,30 м; фреска сохранилась на высоту до 0,30 м (рис. 1). О. И. Домбровский, принимавший непосредственное участие в снятии росписи, полагал, что характер фрески указывает на дату ее создания — не ранее XIV в.

Война с Тохтамышем в 1374-1381 гг. привела к разрушению города. Базилика, являвшаяся на протяжении столетий одним из основных сакральных сооружений горной части Таврики, превратилась в развалины.

Пятый период (XV в.) в истории базилики начинается в самом начале этого столетия, когда на Мангупе сформировалась деспотия, известная в научной литературе как княжество Феодоро с одноименной столицей на территории Мангупского пла-

ского, подобные изменения в мозаичной технологии были связаны с ростом посещаемости храмов после массовой христианизации населения. Поэтому требовались полы не только более прочные, но и проще создаваемые, легче ремонтируемые или заменяемые [34, с. 33].

Четвертый период (XIII-XIV вв.). В 1280 г. при императоре Андронике II Готская епархия, наряду с Херсонской и Сугдейской, получила ранг митрополии [7, с. 58]. По мнению О. Демуса, к этому времени относится постепенное вытеснение в храмах мозаичного декора настенными росписями. Этот процесс был естественным следствием проникновения столичного искусства в провинции и постепенного обнищания византийского мира [29].

Утвердив свои позиции, Готская митрополия в конце XIII в. проводит обширные строительные работы по реконструкции своего кафедрального собора. В итоге, перестают использоваться боковые галереи базилики, а ее алтарная часть получила трех-

то. Пик могущества этого государственного образования пришелся на период правления князя Алексея (1403-1444(?)).

Дворец князя Алексея возведен в непосредственной близости от руин кафедрального храма Готской епархии; вместе они образовывали сакральное пространство Мангупского городища. Если учесть, что по инициативе Алексея была также полностью восстановлена Партенитская базилика на южном побережье Крыма, в отдалении от Мангупа, то вряд ли бы князь оставил столичную базилику без должного внимания.

Отдельные исследователи, в том числе А. Л. Якобсон [68, с. 126], полагали, что Алексей восстановил Мангупскую базилику в полном объеме. Но сделать это было не под силу даже князю Феодору. Общие размеры храма (31,5x28,0 м) почти в три раза превосходили базилику в Партенитах (9,0x14,0 м). Средства же, в основном, тратились властителем на войны с генуэзцами, реконструкцию пограничных пунктов, реконструкцию Мангупской крепости и своего дворца.

На мой взгляд, произведенные изменения коснулись только южной части базилики. В XV в. здесь строится стена, отделяющая южный неф от центрального; с восточной стороны южный неф завершается полукруглой апсидой, перенесенной из северо-восточного храма «В». В стене, соединяющей галерею с южной половиной нартекса, располагается дверной проем, отделанный великолепными резными наличниками [11, с. 42; 46, с. 76-77] (рис. 10-11).

Упоминания Р. Х. Лепера о наличии фрески на стене южного нефа храма дают основание предположить, что появление здесь росписи было связано с последними по времени архитектурными и строительными преобразованиями базилики. В результате, на ее остатках было создано однонефное сооружение по типу дворцовой часовни.

Среди небольшого количества памятников монументальной живописи в Крыму также необходимо отметить алтарную роспись Мангупского южного пещерного монастыря, над которой, вероятно, работали художники так называемого «Палеологовского ренессанса». Цветовая гамма росписи теплая, насыщенная. Цвет одежд красный; именно он в церковной живописи является «цветом личностного начала» [32, с. 78-89].

Вероятно, упомянутые Р. Х. Лепером фресковые остатки на стенах южного нефа базилики, по многообразному цветовому колеру и преобладающему красному цвету [46], были аналогичны изображениям святых на скальных поверхностях Южного

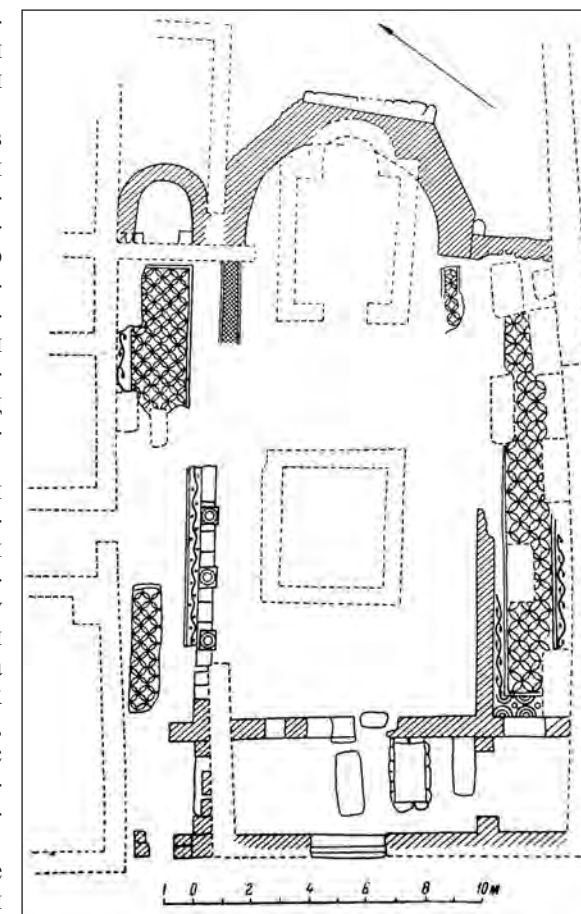

Рис. 9. Мозаика Базилики 1932 г. (Херсон)

Рис. 10. Резной портал входа из южной галереи в нартекс Мангупской базилики. Фото Р. Х. Лепера, 1912 г.

ка восприняла разнообразные формы этого влияния. Произошло заимствование религиозных систем и элементов культуры, которые отвечали новым запросам общества.

2. Художественное оформление сакральных сооружений Херсона и Мангупа осуществляется в период активного участия Византии в жизни Северного Причерноморья.

3. Мангупская базилика создавалась по образцу храмов Херсонеса, где с конца IV по VII вв. мозаичные полы украшали нефы базилик, а в X-XI вв. сооружались церковные здания, которые также декорировались мозаикой. Сходство мангупских и херсонских мозаик прослеживается в общности используемых технологических приемов и орнаментальных мотивов.

4. Различия в развитии церковного искусства на территории средневековой Таврики обусловлены воздействием институционального фактора. Так, в Херсоне уже

Рис. 11. Резной портал входа из южной галереи в нартекс Мангупской базилики (вид с южной стороны). Фото А. Г. Герцена, 1975 г.

пещерного монастыря Мангупа. Приходится только сожалеть, что базиликальные росписи, увиденные Р. Х. Лепером, безвозвратно погибли.

В целом, проведенный анализ художественно-декоративных элементов Мангупской базилики, открытых в процессе ее многолетних археологических исследований, показал:

1. Отдаленные византийские провинции испытывали «...воздействие излучаемых Византией культурных импульсов» [58, с. 7]. Таврика

восприняла разнообразные формы этого влияния. Произошло заимствование религиозных систем и элементов культуры, которые отвечали новым запросам общества.

2. Художественное оформление сакральных сооружений Херсона и Мангупа осуществляется в период активного участия Византии в жизни Северного Причерноморья.

3. Мангупская базилика создавалась по образцу храмов Херсонеса, где с конца IV по VII вв. мозаичные полы украшали нефы базилик, а в X-XI вв. сооружались церковные здания, которые также декорировались мозаикой. Сходство мангупских и херсонских мозаик прослеживается в общности используемых технологических приемов и орнаментальных мотивов.

4. Различия в развитии церковного искусства на территории средневековой Таврики обусловлены воздействием институционального фактора. Так, в Херсоне уже

в IV в. была создана своя церковная структура [19, с. 7-208], включенная в процесс христианизации региона и активно занимавшаяся храмовым строительством. Мангуп лишь в конце IX в. смог создать собственную Готскую епархию и приступить к строительству кафедрального собора в виде Большой трехнефной базилики.

5. В декоративно-художественном оформлении Мангупской базилики задействованы местные мастера, возможно, «пришлые артели», которые, по мнению О. Демуса, вос-

принимали византийскую мозаику и иконографию «исключительно в искаженном виде, им было не до тонкости столичного искусства» [29].

6. Благодаря длительному исследованию Мангупской базилики стало возможным установить одновременность появления мозаик и фресок на памятнике, хотя степень сохранности этих элементов декора храмового комплекса оставляет дискуссионным точную дату их появления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 214-217.
2. Айналов Д. В. Мозаики IV и V веков (исследование в области иконографии и стиля древнехристианского искусства) // ЖМНП. 1895. Ч. ССХСVIII. С. 241-309.
3. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. 1905. Вып. I. С. 3-95.
4. Акопян З. А. Монументальная живопись Армении VII столетия в контексте восточнохристианской традиции // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. Вып. 6. С. 133-142.
5. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. 463 с.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
7. Байер Х.-Ф. История крымских готлов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 407 с.
8. Барабанов Н. Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214-227.
9. Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 305-313.
10. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма // Крым: путеводитель. Симферополь, 1914. С. 156-283.
11. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1-135.
12. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1-44.
13. Бернацки А. Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции. Симферополь, 2002. С. 69-82.
14. Болгов Н. Н. К проблеме интерпретации изображений ранневизантийских мозаик Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции. Симферополь, 2002. С. 38-48.
15. Болгов Н. Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV-VI вв. Нижний Новгород, 2002. 150 с.
16. Броневский М. Описание Крыма / пер. М. Мачинской, предисл. и комм. А. Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 157-200.
17. Ванеян Стефан (свящ.). Христианская археология и церковное искусство: аспекты эпистемологии // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 3(6). С. 7-33.
18. Веймарн Е. В., Репников Н. И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. 1935. Т. 117. С. 115-125.
19. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 224 с.
20. Волконская И. Г. Иконографические схемы алтарных росписей храма «Успения» и храма «Донаторов» // Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен: археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 130-138.
21. Воронова А. А. Раннехристианские базилики Северной Далмации и островов Кварнера: проблемы типологии // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4(24). С. 7-32.

22. Гайдуков Н. Е. Декоративные программы напольных мозаик некоторых храмов Херсонеса: литургический аспект // ВПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2005. № 14. С. 80-87.
23. Гайдуков Н. Е., Карнаушенко Э. Н., Джанов А. В. Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев: Стилоз, 2002. С. 114-132.
24. Гараджа В. И. Социология религии. М.: Аспект Пресс, 1996. 239 с.
25. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1. С. 7-17.
26. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 109 с.
27. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2015. С. 36-39.
28. Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве: исследования, реставрация и охрана памятников. М.: Наука, 1966. 387 с.
29. Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М.: Индрик, 2001. 160 с.
30. Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. 588 с.
31. Домбровский О. И. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 207-228.
32. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 108 с.
33. Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 289-319.
34. Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического / под ред. А. Б. Бернацки, В. А. Кутайсова. Roznai, 2004. 250 с.
35. Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3-4. С. 11-31.
36. Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 258-288.
37. Заграйкина С. П. Мозаики V века в Италии. О некоторых особенностях стиля // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. № 2(14). С. 9-29.
38. Захарова А. В. Принципы группировки изображений святых в византийской монументальной живописи до и после иконоборчества // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2014. № 4. С. 109-122.
39. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилленгер П., Пюльц А. Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // Херсонесский сборник. Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 229-247.
40. Казарян А. Ю. Архитектура стран Закавказья VII в.: формирование и развитие традиции. М.: Locus Standi, 2012. Т. III. 690 с.
41. Колпакова Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний период. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 524 с.
42. Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876. 276 с.
43. Косенкова К. Б. Сиракузские метаморфозы: к проблеме преемственности архитектурных решений от Античности к христианству (на примере храмов Великой Греции) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2013. № 3. С. 74-85.
44. Кутайсов В. А. Судьба ученого // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. № 1. С. 9-22.
45. Латышева А. В. Раннесредневековые храмы Херсонеса: опыт реконструкции // Дриновский збірник. Харьков, 2012. № 5. С. 164-178.
46. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
47. Лепер Р. Х. Раскопки Мангупа // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266-269.
48. Лепер Р. Х. Сообщение на заседании Таврической ученой архивной комиссии 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-298.

49. Литовченко А. Н. О фресковой живописи сакральных памятников средневекового Херсонеса // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харьков, 2011. № 14. С. 31-38.
50. Литовченко А. Н. Образ византийского храма во внутреннем декоре // Византийская мозаика. Сборник публичных лекций Эллина-византийского лектория при Свято-Пантелеймоновском храме / под ред. С. Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2015. Вып. 3. С. 164-173.
51. Литовченко А. Н. «Стратиграфия мозаики»: технологии настила храмов византийского Херсонеса // Lauega I. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора В. И. Кадеева. Харьков, 2015. С. 126-130.
52. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971. 360 с.
53. Лосицкий Ю. Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 27-36.
54. Лыкова Н. Н. Феномен сакрального Святой Троицы в стенописи средневековой Таврики // Таврійські студії. Культурологія. Симферополь, 2013. № 4. С. 78-82.
55. Лыкова Н. Н. Личностное начало и его отражение во фресковой росписи Средневековой Таврики // Таврические студии. Культурология. Симферополь, 2014. № 6. С. 97-106.
56. Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л. А. Беляев. Киев, М.: Корвин пресс, 2005. 332 с.
57. Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973. 352 с.
58. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 301 с.
59. Райс Д. Т. Искусство Византии. М.: Слово, 2002. 256 с.
60. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. С. 107-152.
61. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1. Описание и исследование памятников. 537 с.
62. Рыхов С. Г. Новые данные о «Базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 290-300.
63. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и материальной культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1642 с.
64. Сорочан С. Б. О храмовом декоре византийского Херсонеса и его эволюции в VI-X веков // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів: Інститут українознавства НАН України, 2011. Вип. 20. С. 603-619.
65. Тиханова М. А. Базилика // МИА. М.-Л., 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
66. Фомин М. В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // МАИАСК. Севастополь, Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 299-389.
67. Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 393-420.
68. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М., Л.: Наука, 1964. 287 с.
69. Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. // ВВ. 1980. Т. 41. С. 96-103.
70. Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie // Antique Tardive. 2001. № 9. P. 399-418.
71. Jeffreys E., Haldon J., Cormak R. (Eds.). The Oxford Hand Book of Byzantine Studies. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008. 1021 p.

REFERENCES

1. Ajbabin A. I. Gotskaya eparhiya. *Pravoslavnaia ehnciklopediya*, Moscow, 2006, T. 12, pp. 214-217.
2. Ajnalov D. V. Mozaiki IV i V vekov (issledovanie v oblasti ikonografii i stilya drevnekhristsianskogo iskusstva). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1895, Part CCXCVIII, pp. 241-309.
3. Ajnalov D. V. Razvaliny hramov. *Pamyatniki hristianskogo Hersonesa*, 1905, Vol. I, pp. 3-95.
4. Akopyan Z. A. Monumental'naya zhivopis' Armenii VII stoletiya v kontekste vostochnokhristsianskoj tradicii. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2016, Vol. 6, pp. 133-142.
5. Amiranashvili Sh. Ya. *Istoriya gruzinskogo iskusstva*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963, 463 p.
6. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 368 p.

7. Bajer H.-F. *Istoriya krymskih gotov kak interpretaciya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, 407 p.
8. Barabanov N. D. Vizantijskie flakterii. Specifika arsenala. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2002, Vol. 33, pp. 214-227.
9. Barmina N. I. Étapy zhizni Mangupskoj baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2008, T. XLII, pp. 305-313.
10. Bashkirov A. S. Istoriko-arheologicheskij ocherk Kryma. *Krym: putevoditel'*, Simferopol, 1914, pp. 156-283.
11. Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotoryh nedoumennyh voprosov Srednevekov'ya v Tavride. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1920, No. 57, pp. 1-135.
12. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1918, Vol. 55, pp. 1-44.
13. Bernacki A. B. Amvony v inter'ere rannekhristsianskih bazilik Zapadnogo i Severnogo Prichernomor'ya. *Cerkovnaya arheologiya Yuzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii*, Simferopol, 2002, pp. 69-82.
14. Bolgov N. N. K probleme interpretacii izobrazhenij rannevizantijskih mozaik Severnogo Prichernomor'ya. *Cerkovnaya arheologiya Yuzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii*, Simferopol, 2002, pp. 38-48.
15. Bolgov N. N. *Kul'turnyj kontinuitet v Severnom Prichernomor'e IV-VI vv.* Nizhnij Novgorod, 2002, 150 p.
16. Bronevskij M. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 10, pp. 157-200.
17. Vaneyan Stefan (svyashch.). Hristianskaya arheologiya i cerkovnoe iskusstvo: aspekty ehpistemologii. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2011, Vol. 3(6), pp. 7-33.
18. Vejmar E. V., Repnikov N. I. Syujren'skoe ukreplenie. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1935, T. 117, pp. 115-125.
19. Vinogradov A. Yu. «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...». *Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i ehpiigrafiki*. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2010, 224 p.
20. Volkonskaya I. G. Ikonograficheskie skhemy altarnyh rospisej hrama «Uspeniy» i hrama «Donatorov». Haritonov S. V. *Drevnij gorod Eski-Kermen: arheologiya, istoriya, gipotezy*, St-Petersburg, 2004, pp. 130-138.
21. Voronova A. A. Rannekhristsianskie baziliki Severnoj Dalmacii i ostrovov Kvarnera: problemy tipologii. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2016, Vol. 4(24), pp. 7-32.
22. Gajdukov N. E. Dekorativnye programmy napol'nyh mozaik nekotoryh hramov Hersonesa: liturgicheskij aspekt. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie, 2005, Vol. 14, pp. 80-87.
23. Gajdukov N. E., Karnausenko E. N., Džhanov A. V. Novye dannye po hramovym rospisyam Eski-Kermena i ego okruzi. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 114-132.
24. Garadzha V. I. Sociologiya religii. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 239 p.
25. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. O vremeni i prichinah vozniknoveniya peshchernyh monastyrej Tavriki. *Krymskij muzej*, Simferopol, 1995, No. 1, pp. 7-17.
26. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. *Peshchernye cerkvi Mangupa*. Simferopol, Tavriya Publ., 1996, 109 p.
27. Gercen A. G., Naumenko V. E. O hazarskom i femnom periode v istorii Mangupa: predvaritel'nye nablyudeniya nad istoricheskoi topografiej gorodishcha. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Sevastopol, 2015, pp. 36-39.
28. Grabar' I. E. *O drevnerusskom iskusstve: issledovaniya, restavraciya i ohrana pamyatnikov*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 387 p.
29. Demus O. *Mozaiki vizantijskih hramov. Principy monumental'nogo iskusstva Vizantii*. Moscow, Indrik Publ., 2001, 160 p.
30. Dzhurich V. *Vizantijskie freski. Srednevekovaya Serbiya, Dalmaciya, slavyanskaya Makedoniya*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 588 s.
31. Dombrovskij O. I. Freski yuzhnogo nefa Hersonesskoj baziliki 1935 g. *Hersonesskij sbornik*, 1959, Vol. 5, pp. 207-228.
32. Dombrovskij O. I. *Freski srednevekovogo Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 108 p.
33. Dombrovskij O. I. Arhitekturno-arheologicheskoe issledovanie zagorodnogo krestoobraznogo hrama Hersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1993, Vol. III, pp. 289-319.
34. Dombrovskij O. I. *Vizantijskie mozaiki Hersonesa Tavricheskogo*. Poznań, 2004, 250 p.
35. Dombrovskij O. I. O hronologii «Baziliki Uvarova». *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2004, No. 3-4, pp. 11-31.
36. Zavadskaya I. A. Dekorativno-simvolicheskaya sistema rospisi hersonesskih hristianskih sklepov. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2005, Vol. XI, pp. 258-288.
37. Zagrajkina S. P. Mozaiki V veka v Italii. O nekotoryh osobennostyah stilya. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2014, No. 2(14), pp. 9-29.
38. Zaharova A. V. Principy gruppirovki izobrazhenij svyatyh v vizantijskoj monumental'noj zhivopisi do i posle ikonoborchestva. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2014, No. 4, pp. 109-122.
39. Zolotarev M. I., Korobkov D. Yu., Ushakov S. V., Pilenger P., Pyul'c A. Raskopki t. n. «Baziliki Kruze» v Hersonese (ukrainsko-avstrijskij proekt). *Hersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2003, Vol. XII, pp. 229-247.
40. Kazaryan A. Yu. *Arhitektura stran Zakavkaz'ya VII v.: formirovanie i razvitie tradicii*. Moscow, Locus Standi Publ., 2012, T. III, 690 p.
41. Kolpakova G. S. *Iskusstvo Vizantii. Rannij i srednij period*. St-Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004, 524 p.
42. Kondakov N. P. *Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskih rukopisej*. Odessa, 1876, 276 p.
43. Kosenkova K. B. Sirakuzskie metamorfozy: k probleme preemstvennosti arhitekturnyh reshenij ot Antichnosti k hristianstvu (na primere hramov Velikoj Grecii). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2013, No. 3, pp. 74-85.
44. Kutajsov V. A. Sud'ba uchenogo. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2014, No. 1, pp. 9-22.
45. Latysheva A. V. Rannesrednevekovye hramy Hersona: opyt rekonstrukcii. *Drinovs'kij zbirnik*, Har'kov, 2012, No. 5, pp. 164-178.
46. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 godu. *Izvestiia Arheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
47. Leper R. H. Raskopki Mangupa. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1913, No. 49, pp. 266-269.
48. Leper R. H. Soobshchenie na zasedanii Tavricheskoi uchenoi arhivnoj komissii 30 yanvarya 1914 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, No. 51, pp. 297-298.
49. Litovchenko A. N. O freskovoj zhivopisi sakral'nyh pamyatnikov srednevekovogo Hersona. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii*, Har'kov, 2011, No. 14, pp. 31-38.
50. Litovchenko A. N. Obraz vizantijskogo hrama vo vnutrennem dekore. Sorochan S. B. (Ed.). *Vizantijskaya mozaika. Sbornik publichnyh lekcij Ellino-vizantijskogo lektoriya pri Svyato-Pantelejmonovskom hrane*, Har'kov, Majdan Publ., 2015, Vol. 3, pp. 164-173.
51. Litovchenko A. N. «Stratigrafiya mozaiki»: tekhnologii nastila hramov vizantijskogo Hersona. *Laurea I. Antichnyj mir i srednie veka: Chteniya pamyati professora V. I. Kadeeva*, Har'kov, 2015, pp. 126-130.
52. Lihachev D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury*. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1971, 360 p.
53. Losickij Yu. G. Opyt rekonstrukcii krestoobraznyh hramov Hersonesa. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 27-36.
54. Lykova N. N. Fenomen sakral'nogo Svyatoj Troicy v stenopisi srednevekovoj Tavriki. *Tavrijs'ki studii. Kul'turologiya*, Simferopol, 2013, No. 4, pp. 78-82.
55. Lykova N. N. Lichnostnoe nachalo i ego otrazhenie vo freskovoj rospisi Srednevekovoj Tavriki. *Tavricheskie studii. Kul'turologiya*, Simferopol, 2014, No. 6, pp. 97-106.
56. Ousterhaut R. *Vizantijskie stroiteli*. Kiev, Moscow, Korvin press Publ., 2005, 332 p.

57. Polevoj V. M. *Iskusstvo Grecii. Srednie veka*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 352 p.
58. Polyakovskaya M. A., Chekalova A. A. *Vizantiya: byt i nray. Sverdlovsk, Ural'skiy universitet Publ.*, 1989, 301 p.
59. Rajs D. T. *Iskusstvo Vizantii*. Moscow, Slovo Publ., 2002, 256 p.
60. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arheologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. XII, pp. 107-152.
61. Rostovcev M. I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. St-Petersburg, 1914, T. 1. Opisanie i issledovanie pamyatnikov, 537 p.
62. Ryzhov S. G. Novye dannye o «Bazilike v bazilike». *Antichnyj mir. Vizantiya*. Har'kov, Biznes Inform Publ., 1997, pp. 290-300.
63. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI — pervaya polovina II vv.). Ocherki istorii i material'noj kul'tury*. Har'kov, Majdan Publ., 2005, 1642 p.
64. Sorochan S. B. O hramovom dekore vizantijskogo Hersona i ego ehvolyucii v VI-X vekov. *Ukraina: kul'turna spadshchina, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. L'viv, Institut ukrainoznavstva NAN Ukraini Publ., 2011, Vol. 20, pp. 603-619.
65. Tihanova M. A. *Bazilika. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1953, Vol. 34, pp. 334-389.
66. Fomin M. V. Rannekhristianskaya zhivopis' pozdneantichnogo Hersonesa. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, Sevastopol, Tyumen, 2014, Vol. 6, pp. 299-389.
67. Hrushkova L. G. O nachale hristianskogo Hersonesa Tavricheskogo: krestovidnaya cerkov' na glavnom kladbishche. *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, Vol. II, pp. 393-420.
68. Yakobson A. L. *Srednevekovyj Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 287 p.
69. Yakobson A. L. K izucheniyu fresok iz yuzhnogo nefa baziliki 1935 g. *Vizantiiskii Vremennik*, 1980, T. 41, pp. 96-103.
70. Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie. *Antique Tardive*, 2001, No. 9, pp. 399-418.
71. Jeffreys E., Haldon J., Cormak R. (Eds.). *The Oxford Hand Book of Byzantine Studies*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008, 1021 p.

Бармина Н. И.

Мозаики и фрески Мангупской базилики

Резюме

В ранневизантийской архитектуре тип базилики занял ведущее место. Для создания в храме соответствующей религиозно-эстетической ауры использовали мозаики и фрески. Исследование Мангупской базилики выявило остатки декоративного искусства, при изучении которых были применены различные методологические подходы. Обнаруженные фрагменты соотносятся с разными периодами жизни христианского сооружения. Их анализ показал сходство и отличия с изобразительными раритетами Херсона VI-X вв. Несмотря на малочисленность художественных элементов Мангупской базилики, они входят в список артефактов, раскрывающих особенности становления и развития крымской средневековой культуры.

Ключевые слова: базилика, Мангуп, мозаика, фреска, искусство, Херсон, Юго-Западный Крым.

Barmina N. I.

Mosaics and Frescoes of the Mangup Basilica

Summary

Basilica became the leading type of church in the early Byzantine architecture. Mosaics and frescoes were used to supply the church with appropriate religious and aesthetic aura. Supplementary investigation of the Mangup Basilica has revealed the remains of decorative art, which study used a variety of methodological approaches. The fragments uncovered correlated to various periods of this Christian building. Their analysis has revealed similarities and differences with the visual rarities of Cherson dated from the sixth to tenth centuries. Despite the small number of art elements of the Mangup Basilica, they form the list of artefacts uncovering the features of the formation and development of the Crimean medieval culture.

Keywords: basilica, Mangup, mosaic, fresco, art, Cherson, South-Western Crimea.

Л. Г. ХРУШКОВА

К ДИСКУССИИ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Большая трехнефная базилика Мангупского городища — известный памятник византийской церковной архитектуры в Крыму, вне Херсонеса, пожалуй, самый крупный. Она изучается уже около 130 лет, однако все еще нет исследования, которое бы обобщило все многолетние наблюдения и представило полную обмерную и фотодокументацию.

История изучения базилики хорошо известна [27, с. 206, прим. 5; 17, с. 334-336]. Обстоятельные историографические обзоры содержатся в публикациях Н. И. Барминой [1; 2; 6]. Раскопки памятника в конце XIX в. были начаты под эгидой Археологической комиссии, главного археологического учреждения России на тот момент (1859-1914 гг.). За свою долгую историю Археологическая комиссия знала и успехи, и неудачи. Изучение христианской архитектуры в Крыму не было приоритетным в ее деятельности; об этом говорит пример Херсонеса и его епископской церкви [32, S. 232-240; 23, с. 9-46; 24, с. 327-333].

Основные этапы исследования Мангупской базилики соотносятся с тремя программами археологического изучения Мангупа [9, с. 24-25]. В рамках первой программы раскопки базилики в 1890 г. провел Ф. А. Браун, он же открыл памятник. На следующем этапе в 1913-1914 гг. ее изучал Р. Х. Лепер, который выявил основные элементы плана сооружения. В краткой статье Л. А. Моисеева изложены основные результаты исследования Р. Х. Лепера, здесь же опубликованы важные фотографии памятника во время раскопок [16, с. 316]. Вторая программа осуществлялась в советскую эпоху. В 1938 г. М. А. Тиханова исследовала северную часть базилики и открыла ее баптистерий; обмерные работы на памятнике в это время проводил А. Л. Якобсон. Методика этих раскопок была значительно более совершенной, в сравнении с работами Археологической комиссии. М. А. Тиханова училась на Высших женских (Бестужевских) курсах, где среди преподавателей был М. И. Ростовцев, свое образование она завершала в Петроградском университете. А. Л. Якобсон к тому времени имел уже важный опыт работы на таком сложном памятнике, как «базилика 1935 г.» в Херсонесе. Однако успешный мангупский сезон 1938 г. для М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона оказался единственным. Началом третьего, современного, этапа изучения базилики было создание в 1967 г. Мангупской археологической экспедиции. Одной из ее задач является исследование крупных архитектурно-археологических комплексов Мангупского городища [10, с. 127-147].

Как видим, ритм изучения базилики был очень медленным; интервалы составляли примерно 25-30 лет. Все это время памятник стоял открытым, разрушался, и каждое последующее поколение археологов наблюдало его в значительно худшем состоянии, чем предыдущее. Когда-то Л. А. Моисеев заметил: «Раскопку базилики нельзя считать законченной» [14, с. 79]. Сейчас, столетие спустя, можно сказать то же самое: остается не раскопанной крещальня, нет ясного представления о плане восточной части базилики, отсутствует полная обмерно-чертежная документация, в особенности